

Г. К. ВЕРНЕР

РЕКОНСТРУКЦИЯ СЛОГОВЫХ ТОНОВ В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ XIX в.

(по словарным материалам М. А. Кастрена)

Обнаруженные в современных енисейских языках — имбатском (собственно кетском) и сымском (югском ¹) — тональные системы ² представляют большой интерес для сравнительно-исторического изучения енисейских языков и не могут не учитываться при реконструкции общенисейского языкового состояния. Накопленные факты позволяют уже на данном этапе исследования ставить вопрос о реконструкции тональных систем в исчезнувших енисейских языках на основе дошедших до нас словарных материалов, несмотря на то, что при этом отдельные детали остаются еще невыясненными. Настоящая работа, являясь в этом отношении первой попыткой, имеет основной своей задачей осмысление тех возможностей в реконструкции слоговых тонов, которые представляет современная слоговая политония и записи по енисейским языкам XIX в., в частности словарные материалы известного исследователя XIX в. М. А. Кастрена.

Как известно, в XVIII в., кроме сохранившихся до настоящего времени имбатского и сымского, существовали и другие енисейские языки, а именно — аринский, ассанский, коттский и пумпокольский; все они растворились в иноязычной (тюркской) среде во второй половине XVIII в. ³, кроме коттского, который существовал до середины XIX в. и был в последний раз записан М. А. Кастреном в Агульском улусе на р. Агул ⁴.

Словарные материалы по енисейским языкам XIX в. не имеют специальных обозначений для слоговых тонов. В связи с этим для рекон-

¹ Аргументы в пользу того, что целесообразней говорить о двух различных языках, а не о сымском и имбатском диалектах кетского языка см. в предисловии: Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский, Кеты, их язык, культура, история, в кн.: «Кетский сборник. Лингвистика», М., 1968, стр. 5.

² См.: А. П. Дульзон, О тонах односложных слов кетского языка и их звуковых отражениях, «Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы межвузовской конференции 11—13 мая 1969 г.», Томск, 1969; Вяч. Вс. Иванов, Сравнительно-историческое истолкование написаний с к и г в записях XVIII в. по енисейским языкам, там же; его же, О происхождении ларингализации-фарингализации в енисейских языках, сб. «Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского», М., 1971; Г. К. Вернер, Звуковая система сымского диалекта кетского языка. Автореф. канд. диссерт., Томск, 1966, стр. 17—22; его же, Сымско-кетская система слоговой акцентуации, «Уч. зап. [Омск. пед. ин-та]», 36 — Труды кафедр гуманитарных наук, 1968; его же, Слоговая акцентуация кетских говоров, там же, 44 — Вопросы диалектологии и языкознания, 1969; его же, К фонологической интерпретации ларингального смычного в кетском языке, ВЯ, 1969, 1; его же, К типологической характеристике енисейской слоговой акцентуации, «Происхождение аборигенов Сибири и их языков»; его же, Слоговые тоны кетских говоров в свете некоторых экспериментальных данных, «Уч. зап. [Омск. пед. ин-та]», 52 — Вопросы филологии, 1969.

³ См. об этом: А. П. Дульзон, Кетские наречия первой половины XVIII в., «Труды Томского областного краеведческого музея», VI, 2, 1963, стр. 38.

⁴ См. об этом: А. П. Дульзон, Очерки по грамматике кетского языка, I, Томск, 1964, стр. 4; его же, Кетский язык, Томск, 1968, стр. 8.

рукции тонов представляются очень важными отмечавшиеся факты взаимодействия между слоговыми тонами и звуковой системой в современных языках. Зная характер воздействия различных тонов на звуковую систему, а также лексико-морфологическую дистрибуцию тонов в современных языках⁵, можно проследить, как это воздействие отражается в имбатских и сымских словарных материалах XIX в., и, опираясь на полученные результаты, провести такой же анализ словарных материалов по коттскому языку XIX в. Особенно ценным в этом отношении являются словарные материалы М. А. Кастрена, тонкого фонетиста, исключительно точно передавшего звуковое варьирование (прежде всего вокализма) под воздействием слоговых тонов и производившего к тому же одновременно записи по имбатскому, сымскому и коттскому языкам в середине XIX в.⁶. С анализа материалов М. А. Кастрена мы и начинаем выявление слоговых тонов в енисейских языках XIX в., отталкиваясь при этом от современного состояния⁷.

Г. Имбатская и сымская тональные системы по материалам XIX в. Енисейско-остяцкие материалы М. А. Кастрена отражают, как известно, язык сымских кетов и имбатские говоры, которым, судя по отдельным особенностям консонантизма (например, отсутствию ∂ , $\partial' > p, p'$), могут в современном имбатском соответствовать говоры Сургутихи и Бакланихи. Проецируя современные сымские и имбатские (два указанных говора) слоговые тоны на соответствующие словарные параллели в словаре Кастрена, а также сравнивая современный вокализм с вокализмом соответствующих слов в XIX в., можно получить вполне ясное представление о тональной характеристике слов, записанных Кастреном. Не исключено, конечно, что говоры, зарегистрированные Кастреном как у сымских, так и у имбатских кетов XIX в., могут не вполне точно соответствовать современным диалектным группам двух языков — при этом нужно учитывать сильное сокращение численности кетского населения в XIX и начале XX вв., а также процессы диалектного смещения; однако привлечение сравнительных данных по современной акцентологии сводит возможные помехи такого рода при реконструкции слоговых тонов к минимуму. Затруднения¹ могут возникнуть лишь при различной лексико-морфологической дистрибуции тонов в словах, записанных Кастреном, и в современном словаре; тем не менее вероятность таких расхождений практически незначительна и, следовательно, не влияет существенно на общую картину.

⁵ Касаясь воздействия слоговых тонов на звуковую систему, имеем в виду прежде всего качественные и количественные изменения гласных (см.: Г. К. Вернер, К фонологической интерпретации ларингального смычного..., стр. 91; е го же, Звуковые соответствия между сымским и другими енисейскими языками, «Уч. зап. [Омск. пед. ин-та]», 44, стр. 99—101; А. П. Д у л ь з о н, О тонах односложных слов..., стр. 106).

⁶ M. A. C a s t r é n, Versuch einer jénissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen, St.-Pb., 1858.

⁷ Здесь и далее все ссылки на современное состояние делаются в соответствии с воззрениями автора, выделяющего в современных языках четыре слоговых тона: первый — полудолгий, слегка восходящий, нефарингализованный, с тенденцией к сокращению полудолготы в исконно односложных словах, особенно в говоре Подкаменной Тунгуски (в сымском в таких случаях первый тон всегда краток); второй — краткий, отрывистый, восходяще-нисходящий, фарингализованный (с заротовой смычкой в открытых слогах); третий — долгий, восходяще-нисходящий, нефарингализованный; четвертый — а) в сымском: долгий, фарингализованный, восходяще-нисходящий, низкий; б) в говорах Елогуй и Подкаменной Тунгуски: краткий, нисходящий, нефарингализованный; в) в говорах Курейки, Бакланихи и Сургутихи: долгий, низкий, восходяще-нисходящий, с факультативной фарингализацией и с сильно выраженной тенденцией к сокращению долготы и изменению контура в нисходящий (особенно в говоре Сургутихи).

Слова, имеющие в современных енисейских языках первый тон, характеризуются в словаре Кастрена наличием или отсутствием долготы, но при условии закрытого характера вокализма, как и в современных языках, о чем косвенно свидетельствуют примеры типа Ю. *s'äs', имб. ²c'əʔc' «лиственница», но Ю. ses, *sēs, сым. ¹cec, имб. ¹c'e-c' «речка»⁸. В отношении длительности можно выделить следующие три случая:

а) наличие длительности в словах, записанных Кастреном: Ю. ês, имб. ¹e-c', сым. ¹ec «бог»; Ю. xÿf, имб. ¹қы', сым. ¹хы'n «торговля»; Ю. bâg, кур. бак. ¹ба'γə, сул. ¹ба'γ, сым. ¹ба'к «кряж, бревно, чурка»; Ю. is, имб. ¹u-c', сым. ¹u-c' «рыба»; Ю. fîg. hîg, hîgi, кур. бак. ¹hu'γə, сул. ¹hu'γ, сым. ¹фи'к «мужчина»; Ю. sî, имб. ¹c'u', сым. ¹си «ночь»; Ю. î, имб. ¹u', сым. ¹и «солнце»;

б) отсутствие длительности в словах из собрания Кастрена: Ю. lun', имб. ¹л'у'н, сым. ¹лун' «хариус»; Ю. dit, dit', имб. ¹ди'm, сым. ¹дит' «глухарь»; Ю. xip, имб. ¹қы'п, сым. ¹хуп «косач»; Ю. xap, qap, имб. ¹қа'п', сым. ¹хан «сажень»; Ю. ei, имб. ¹е'й, сым. ¹ей «сосна»; Ю. bul, имб. ¹бу'л', сым. ¹бул «нога»; Ю. d'ik, имб. ¹ди'к, сым. ¹ди'к «смола»; Ю. dyl, имб. ¹ды'л', сым. ¹дыл «ребенок»; Ю. qik, xik, имб. ¹қы'к, сым. ¹хук «дыра»; Ю. su, имб. ¹c'y', сым. ¹су «рябчик»; Ю. tik, имб. ¹ти'к, сым. ¹тик «снег»;

в) наличие в материалах Кастрена параллельных форм с долгим и кратким вокализмом: Ю. bis, bis, bis', имб. ¹би'c', сым. ¹бис/би'c «вечер»; Ю. ses, *sēs, имб. ¹c'e-c', сым. ¹cec «речка»; Ю. sur, sâl, s'ûl, s'ul, имб. ¹c'y'л', сым. ¹сур «кровь»; Ю. xip, xîp, qîp, qîp, имб. ¹қы'п, сым. ¹xen/xup «дед»; Ю. im, ît, имб. ¹и'м, сым. ¹им «орех»; Ю. xat, qat, qât, имб. ¹қа'м, сым. ¹хам «стрела»; Ю. dyn, dÿn, имб. ¹ды'н', сым. ¹дын «ель».

При сравнении приведенных словарных параллелей нетрудно заметить, что в большинстве случаев краткость гласного в словарных материалах Кастрена соответствует краткости соответствующих гласных в современном сымском и лишь в немногих случаях в материалах Кастрена наблюдается краткость гласных в имбатских словах. Она может объясняться тенденцией к сокращению полудолготы в исконных односложных словах, как это характерно, например, для современного говора Подкаменной Тунгуски. Долгота же, как правило, характерна для имбатских слов и соответствует полудолготе в современных говорах, но наблюдается иногда и в сымских словах, приводимых Кастреном, в частности в тех, которым в современном сымском соответствуют слова с полудолготой (исконные двухсложные слова). Кроме того, в сымских словах по материалам Кастрена наблюдается порою точно такое же варьирование длительности, какое отмечено нами для языка современных сымских кетов⁹, ср. Ю. bis, bis (сымский) при bis' (имбатский) «вечер». В имбатских словах оно наблюдается реже, см. Ю. qîp, qîp «дед».

Отмеченная краткость вокализма у слов с первым тоном нередко осложняет опознавание в материалах Кастрена слов со вторым тоном, так

⁸ Сокращения: Ю. — енисейско-остяцкий (М. А. С а s t r e n, указ. соч.), имб. — имбатский, сым. — сымский, кур. — курейский, сул. — говоры Подкаменной Тунгуски и Елогуй, бак. сур. — говоры Бакланихи и Сургутихи, К. — коттский (по Кастрену). Транскрипция: h — плавная фарингализация, ' — полудолгота, : — долгота (в материалах Кастрена для обоих случаев оставлен знак длительности ^), ? — фарингализация отрывистого второго тона (в открытых слогах ? обозначает заротовую смычку, для которой в словах, записанных Кастреном, сохраняется знак ^). Тоны обозначены цифровыми индексами перед соответствующим слогом. Знак a в материалах Кастрена, несомненно, отражает открытый гласный, в отличие от e (т. е. по правилам немецкой графики); th — придыхательный согласный (по Кастрену).

⁹ Г. К. В е р н е р, Сымско-кетская система слоговой акцентуации, стр. 149—150.

как они часто характеризуются у него также наличием краткого вокализма. Но второй тон легко опознается в его материалах в словах с дифтонгизацией или с ². В общем, слова со вторым тоном характеризуются у Кастрена следующими чертами:

а) краткостью вокализма: JO. *dip*, имб. сым. ²*du²n* «уда»; JO. *aq*, имб. ²*a²q*, сым. ²*a²x* «деревья, дрова»; JO. *fai*, *hai*, имб. ²*ha²й*, сым. ²*фа²й* «кедр»; JO. *saq*, *s'aq*, имб. ²*ca²q*, сым. ²*ca²x* «белка»; JO. *baq*, имб. сым. ²*ба²q* «земля»; JO. *kat*, имб. сым. ²*ка²m* «дети»; JO. *yk*, сым. ²*ы²k* «самец»; JO. *kis*, сым. ²*ку²c* «лошадь», имб. ²*ку²c'* «корова»; JO. *kit'*, имб. ²*ки²m*, сым. ²*ки²m'* «цена»; JO. *sar*, *sal*, *s'al*, имб. ²*c'a²л'*, сым. ²*ca²p* «острие»;

б) краткостью вокализма с параллельной дифтонгизацией: JO. *xut'*, *quet*, имб. ²*xy²m*, сым. ²*xy²m'* «лук» (оружие); JO. *taq*, *teaq*, имб. ²*m²л²k*, сым. ²*m²л²x* «палец»; JO. *seäs*, *s'äs*, имб. ²*c'э²c'*, сым. ²*сэ²c* «лиственница»; JO. *fit*, *hiet*, имб. ²*hi²m*, сым. ²*фи²m* «клей»; JO. *fup*, *hup*, *hyer*, имб. ²*hy²n*, сым. ²*фы²n* / ¹*фын* «сын»; JO. *fun*, *hun*, *huon*, имб. ²*hy²n*, сым. ²*фу²n* / ¹*фун* «дочь»;

в) дифтонгизацией с ² или без нее: JO. *di'e*, имб. сым. ²*ди²* «орел»; JO. *duot*, имб. сым. ²*ду²m* «шило»; JO. *fyei*, *hyei*, имб. ²*hy²й*, сым. ²*фы²й* «филин»; JO. *fyer*, *hy'el*, имб. ²*hy²л'*, сым. ²*фы²p* «ясный» (о погоде); JO. *ki'ä*, *kie*, имб. сым. ²*ки²* «новый»; JO. *ko'o*, *ko'a*, *kogat*, имб. ²*kэ²* «мозг»; JO. *si'e*, *si'*, имб. ²*c'u²*, сым. ²*си²* «подстилка из оленьей шкуры»; JO. *beän*, имб. сым. ²*бл²n* «утка»;

г) иногда встречается долгий гласный, но почти всегда параллельно с кратким: JO. *ket*, *kêt*, *kiet*, имб. сым. ²*кэ²m* «человек»; JO. *foq*, *hêq*, имб. ²*hэ²q*, сым. ²*фэ²x* «экскремент»; JO. *sar*, *sâl*, *s'al*, имб. ²*c'a²л'*, сым. ²*ca²p* «карась».

Первый случай, когда слова со вторым тоном в словаре Кастрена характеризуются наличием краткого вокализма без ² и без дифтонгизации, точно совпадает с соответствующим явлением в современных языках: в произношении многих современных кетов — сымских и имбатских — второй тон сильно упрощается за счет ², но легко опознается по краткому и открытому характеру вокализма. В словах с дифтонгизацией ² полностью заменена сверхкратким гласным, но во многих случаях, особенно в открытых слогах, ² сохраняется и как бы делит гласный на две части, что очень часто наблюдается в произношении и современных кетов. Однако в тех немногих примерах, где появляется долгий гласный без ² и без дифтонгизации, вполне возможно предположение о наличии первого, а не второго тона при учете индивидуально-факультативного варьирования или при допущении, что подобные параллельные формы слов взяты Кастреном из различного контекста (последнее обстоятельство не исключает замены второго тона первым, ср. совр. кур. ²*ты²c'* «камень», но *тэуэ* ¹*ти¹c'* «точило»).

Слова, имеющие в современных языках третий тон, характеризуются в записях Кастрена наличием дифтонгизации, как у слов со вторым тоном, или обычной долготы, как у слов с первым тоном. Любопытно, однако, что в сымских словах наблюдается такое же сужение второго компонента дифтонга, как в современном сымском, и, наоборот, в имбатских словах — расширение второго компонента дифтонга. Примечательно также, что слова с этим тоном нередко имеют в материалах Кастрена параллельные формы без синкопы интервокального согласного, как это часто наблюдается в современных имбатских говорах: JO. *hâl*, *hâl'*, ^{*}*hâgul*, имб. ³*hy:л'*, сым. ³*фу:л'* «молот»; JO. *sûl*, ^{*}*s'ûl*, *sûhul*, имб. ³*c'y:л'*, сым. ³*co:л/соул* «нарта»; JO. *sôat*, ^{*}*sôxat*, имб. ³*co:м*, сым. ³*co:м* «томар (стрела с тупым наконечником)»; JO. *sə*, *s'oaxa*, имб. ³*c'л:*, сым. ³*cъ:л/съу*

«тяжелый»; Ю. *sət*, **s' oat*, имб. ³*c' ʌ: m*, сим. ³*cʰ: m/cʰym* «пятка»; Ю. *eil'*, *ēi'*, сим. ³*e: ʌ'/eйʌ'*, мн. число от сим. ²*əʌ* (Ю. *eāl*) «чашка»; Ю. *fūd*, имб. ³*hy: m*, сим. ³*fʉ: m* «хвост».

Правда, последнее слово имеет в словаре Кастрена имбатскую форму *hū'ut*, но наличие ² в ней не оправдано, так как сочетание долготы с ² в материалах Кастрена наблюдается, как правило, лишь у слов, которые имеют в современных языках четвертый тон, ср.: Ю. *iet*, *iti*, сим. ⁴*u^h: m*, кур. ⁴*u: mi/u^h: mi* «зуб»; Ю. *ū'ot*, **uot*, *uoti*, сим. ⁴*y^h: m*, кур. ⁴*y: mi/y^h: mi* «мышь»; Ю. *ū'os*, сим. ⁴*y^h: c*, кур. ⁴*y: c'u/y^h: c'u* «береза»; Ю. *kū'on*, *kuone*, сим. ⁴*ky^h: n*, кур. ⁴*ky: ni/ky^h: ni* «росомаха». Но чаще слова с четвертым тоном имеют в словаре Кастрена обычную дифтонгизацию с большей степенью раствора у второго компонента (как при втором тоне): Ю. *eān*, **eān'e*, сим. ⁴*ə^h: n'*, кур. ⁴*ə: n'u/ə^h: n'u* «зять»; Ю. *eād'*, **eādi*, *eāti*, сим. ⁴*ə^h: m'*, кур. ⁴*ə: p'u/ə^h: p'u* «соболь»; Ю. *ien'e*, *ien'*, сим. ⁴*u^h: n'*, кур. ⁴*u: n'e/u^h: n'e* «ноготь»; Ю. *yed'*, *yedi*, сим. ⁴*y^h: m'*, кур. ⁴*y: p'e/y^h: p'e* «весна»; Ю. *xoax*, **qoax*, сим. ⁴*x^h: x* «звезда»; Ю. *tied'*, **tiedi*, *tieti*, сим. ⁴*ti^h: t'*, кур. ⁴*ti: p'u/ti^h: p'u* «корень»; Ю. *suol'e*, **suol'*, сим. ⁴*cy^h: ʌ*, кур. ⁴*c' y: ʌ'u/c' y^h: ʌ'u* «крюк для люльки». Дифтонгизация отсутствует в таких случаях только у гласного /a/ (реже у /o/). Ю. *āy*, сим. ⁴*a^h: ɲ*, кур. ⁴*a: ɲə/a^h: ɲə* «веревка»; Ю. *ās*, **as'*, сим. ⁴*a^h: c*, кур. ⁴*a: c'u/a^h: c'u* «перо»; Ю. *tār*, сим. ⁴*ta^h: p* «выдра»; Ю. *fās*, сим. ⁴*fa^h: c* «бубны»; Ю. *xōy*, сим. ⁴*x^h: ɲ* «днем»; Ю. *xāy*, сим. ⁴*xa^h: ɲ*, кур. ⁴*ka: ɲə/ka^h: ɲə* «коршун».

Наличие дифтонгизации и ² в словах с четвертым тоном в словаре Кастрена подтверждает наш вывод о том, что четвертый тон в современном симском и в говорах Курейки, Бакланихи и Сургутихи является восходяще-нисходящим и характеризуется фарингализацией, постоянной в симском и факультативной в данных трех имбатских говорах.

Таким образом, особенности транскрипции Кастрена дают основания думать, что симские и имбатские говоры, отраженные в его работе, характеризовались, как и сегодняшние эти говоры, четырехтоновой системой со сходной фонетической характеристикой каждого тона. Не совсем понятна лишь наблюдающаяся иногда дифтонгизация в словах с первым тоном типа Ю. *luon* (сим. ¹*ʌon*, имб. ¹*ʌ'o' n*) «губа», Ю. *kuoi* (сим. ¹*xoi*, имб. ¹*qo' i*) «тетя», Ю. *kip*, *kuon* (сим. ¹*xon*, имб. ¹*qo' n*) «бусы», Ю. *ser*, *sier* (сим. ¹*cen*) «достаточно», Ю. *sej*, **siej*, (сим. ¹*ceɲ*, имб. ¹*c'e' ɲ*) «печень». Но едва ли есть основания думать, что за этим приемом передается скрывается особый фонетический признак, отличающий тон этих слов от современного первого тона; скорее всего это индивидуальная особенность одного из информантов Кастрена — по-видимому, у него очень закрытые гласные *o*, *e* воспринимались как дифтонгоиды *yo*, *ye*.

II. Коттская тональная система по материалам XIX в. Опираясь на особенности отражения имбатских и симских слоговых тонов в транскрипции Кастрена и учитывая тот факт, что коттские материалы записывались им в одно время с енисейско-остяцкими, можно с большой степенью вероятности восстановить коттские слоговые тоны для языка XIX в. Очень важно в этом отношении еще и то обстоятельство, что в коттских материалах Кастрена четко зафиксирован механизм чередования гласных в формах единственного и множественного числа имен, а в этих чередованиях отражаются чередования слоговых тонов, как это отмечено нами для современных языков и как это можно наблюдать в енисейско-остяцких материалах Кастрена. Совершенно очевидно, что формы множественного числа *iky*, *eāky/eky* (от К. *ia* (*i*x) «имя») отражают два различных слоговых тона: в первой форме можно предполагать присутствие тона типа первого имбатского, а в форме *eāky* —

тона типа второго имбатского и сымского, о чем свидетельствует дифтонгизация; третья же форма, очевидно, отражает процесс упрощения второго тона в данной позиции, ср.: кур. ¹кы'ми, pl. ¹кы'мн/⁵к'амн (<²к'а'мн) «волк»; сул. ¹те'т, pl. ¹те'мн/⁵тамн (<²та'мн) «муж»¹⁰. Это подтверждается и тем, что отмеченные формы множественного числа получены судя по пометкам в словаре Кастрена, от различных лиц, которые могли принадлежать к представителям различных говоров коттского языка XIX в.

Долгие гласные встречаются в коттских словах Кастрена очень часто, но вовсе не бесспорно, что во всех этих случаях представлен первый тон. Наиболее вероятно появление первого тона, во-первых, в формах единственного числа; это особенно заметно при сравнении их с формами множественного числа: *šig*, **šix*, pl. *šaŋ* «ночь»; *ig*, *ix*, pl. *eäky* «день»; *ip*, pl. *iŋ*, *eŋ* «лыжа»; *t^heg*, *t^hex*, pl. *t^hakŋ* «ремень», *šet*, pl. *šat* «лиственница», *šiš*, pl. *šeŋ* «камень»; *fī*, pl. *fan* «мужчина»; *ex*, *eg*, pl. *ax*, *ag* «коза». Данное предположение подтверждается фактами из сымского и имбатского, в которых наблюдается точно такой же механизм чередования тонов, ср.: сым. ¹чем, pl. ⁵чэмын, имб. ¹те'м, pl. ⁵тэмн (<²тэ'мн) «гусь»; сым. ¹чин, pl. ²ча'н, имб. ¹ту'н, pl. ²та'н «собака»; сым. ¹и, pl. ⁵экн; имб. ¹и', pl. ⁵экн (<²э'кен) «день».

Во-вторых, такая интерпретация долготы в коттском оправдана в формах множественного числа при их сопоставлении с формами единственного числа: *ui*, pl. *ūfaŋ* «детская люлька»; *ol*, pl. *ōlaŋ* «могила»; *ei*, pl. *ēfaŋ* «голос, звук»; *huk*, pl. *hūpaŋ* «дыра»; *reš*, pl. *rēšaŋ* «печь» (из русск.); *xei*, *gei*, pl. *xēfaŋ* «обух»; *hau*, pl. *hōky* «рог»; *ham*, pl. *hāmaŋ* «сосуд, миска»; *šal*, pl. *šālaŋ* «острие»; *ton*, pl. *tōnaŋ* «нож». Точная аналогия этому имеется в имбатском и сымском, ср.: имб. ²ты'н, pl. ¹ты'нын; сым. ²ты'н, pl. ¹ты'нын «котел», имб. ²с'ы'к, pl. ¹с'ы'кн; сым. ²с'ы'к, pl. ¹сыкн «корыто для теста»; имб. ²с'у'л', pl. ¹с'у'л'ең «нельма».

Нередки и такие случаи, когда долгота наблюдается как в единственном, так и во множественном числе, и, учитывая, что качество вокализма в обеих формах одинаково, можно для них тоже предположить наличие первого тона: *ek*, pl. *ekŋ* «волос»; *en*, *ep*, pl. *ēpaŋ* «волна»; *kōpaŋ*, pl. *kōpaŋaŋ* «мозг»; *or*, pl. *ōraŋ* «табун»; *ix*, *ix*, pl. *ikŋ* «имя»; *kēti*, pl. *kētaŋ* «зима»; *xēg*, *qēg*, pl. *xēgaŋ* «слово»; *ēga*, pl. *ēgaŋ* «солнце»; *ēci*, pl. *ēčaŋ* «рыбья чешуя»; *hīma*, pl. *hīmaŋ* «бабушка» (ср.: кур. бак. ¹ми'уэ, сул. ¹ми'у, pl. ¹ми'уин' «лебедь»; кур. бак. ¹та'уэ, сул. ¹та'у, pl. ¹та'уэн «лямка упряжки» и т. д.).

В пользу предположения, что во всех перечисленных случаях представлен слоговой тон типа первого имбатского, говорит и тот факт, что вокализм не обнаруживает и малейших признаков дифтонгизации, которая могла бы указывать на циркумфлексный характер или на фарингализацию тона. Кроме того, коттские гласные в таких словах и словоформах (за единичными исключениями типа *ēga* «солнце») не шире, а наоборот, иногда даже уже, чем в соответствующих имбатских и сымских параллелях. Так, имбатско-сымскому /a/ в коттском нередко соответствует /e/ (сым. ¹ба'к, бак. кур. ¹ба'уэ, сул. ¹ба'у, кот. *rēx*, *rēg* «кряж, чурка»); учитывая, что в имбатском в словах с первым тоном /a/ приближается к

¹⁰ Цифровым индексом «5» здесь выделяется особый краткосложный акцентный тип, представленный в многосложных словах и характеризующийся более высоким в тональном отношении и более интенсивным первым (ударным) слогом по сравнению со вторым (безударным). В ударном слоге исторически был представлен второй слоговой тон, упростившийся в результате ассимилятивных явлений. Цифровым индексом «6» выделяется другой краткосложный акцентный тип, также представленный в многосложных словах и характеризующийся более высоким в тональном отношении вторым слогом по сравнению с первым, при одинаковой их интенсивности.

/æ/, можно думать, что кот. /e/ в таких случаях — это инновация по сравнению с имб.-сым. /a/, которая обусловлена воздействием первого тона.

Сходство коттского первого тона с соответствующим имбатским тоном обнаруживается и по признаку долготы: коттские данные Кастрена позволяют говорить о полудолготе тона в перечисленных случаях, о чем свидетельствуют параллельные формы типа: *ix, iḡ* «имя»; *in, iṇ, pl. inaṇ, inaṇ* «игла»; *hei, *hēi, pl. hējaṇ* «шуба»; *xer, *xēr, qer* «лодка»; *hol, *hōl, pl. hōlaṇ* «щека»; *rei, *rēi* «чужой»; *an, ān* «нос»; *ur, ūr* «дождь» и др.

Наличие параллельных форм с кратким и долгим вокализмом не исключает, что некоторые слова с краткими гласными, для которых не отмечено вариантов с долгими гласными, тоже могут характеризоваться первым тоном. Такое толкование возможно, например, по отношению к формам единственного числа в примерах типа *heṇ, pl. hēnaṇ* «сажень» (ср. имб. ¹ḡa'n', сым. ¹хан); *hek, pl. hajaṇ* «след, дорога» (ср. имб. ¹хык, сым. ¹хык); *kei, pl. keaṇ* «крыло».

Однако слова с кратким вокализмом могут с такой же степенью вероятности характеризоваться и слоговым тоном типа второго имбатского и сымского. Заметим, что в коттских материалах Кастрена сравнительно редко встречается дифтонгизация и ʔ, а это может свидетельствовать о том, что в большинстве случаев этот тон в произношении информантов-коттов упрощался за счет ʔ, как это часто наблюдается у современных кетов, особенно сымских. Такая интерпретация по отношению к односложным словам и словоформам с кратким вокализмом могла бы подтверждаться чередованием узких долгих и широких кратких гласных или кратких и долгих гласных одного и того же качества в формах единственного и множественного числа существительных, ср.: *ēx, ēg, pl. ax, ag* «коза»; *šig, *šix, pl. šaṇ* «ночь»; *šet, pl. šat* «лиственница»; *ton, pl. tōnaṇ* «нож»; *bal, pl. bālaṇ* «скот»; *fun, pl. fūnaṇ* «дочь»; *šiš, pl. šeṇ* «камень»; *hūš, pl. huṇ* «чум»; *šal, pl. šālaṇ* «острие»; *tʰun, pl. tʰānaṇ* «гребень».

О наличии в коттском слогового тона типа второго (краткого, отрывистого, фарингализованного) в современных языках свидетельствуют слова с дифтонгизацией и с ʔ, сочетающейся с кратким вокализмом. Примерами такой дифтонгизации с вторым компонентом, имеющим больший раствор, чем первый, могут служить слова типа *koaš* «красивый», *čeaṇ, čeaṇ* «люди», *eaṇ* «рытье», *tʰeaṇ, tʰeäṇ* «иней», *d'āleä* «девушка», *eäṇ* «дни» и др. Слова с ʔ встречаются реже: *šu'ol, pl. šu'olaṇ* «бочка»; *tʰigä, *tʰi'ä* *pl. tʰigän, tʰikṇ* «корова»; *ka'ir, kajer, pl. ka'iraṇ, kajeraṇ* «бобровая течка»; *šu'uš* «кройка»; *hau, pl. hau'i* «рог», *šuga'iči, šukaiči* «пятка»; *fuga'iš, fukajaše* «соболь»; *he'ūtaṇ* «взбираться»; *ba'ākṇ, *bagākṇ* «держат»; *tä'gejaṇ* «лизать».

Этот же слоговой тон представлен, по всей вероятности, и в тех глагольных формах, в которых ʔ сочетается с долготой, ср.: *ačo'ukṇ* «сеять», Prät. *ačōla'ukṇ*; *ba'ūtaṇ* «сосать», Prät. *bala'utaṇ*, Pass. *balā'ut*; *balā'us* (Pass.) «кроить»; *bušōu* «теленка», род. пад. *bušō'uä, pl. bušō'uān*.

Енисейско-остяцкие данные Кастрена, а также факты современных енисейских языков показывают, что во всех этих случаях может быть представлен только второй тон. Вместе с тем в других словах сочетание долготы с ʔ и дифтонгизацией отражает, на наш взгляд, слоговой тон, отличавшийся от второго, ср. *kēgär, *kē'är* «рука», *pl. kēgäreṇ; tʰēgär, *tʰē'är* (ср. сым. ⁴maʰ:p, имб. ³ma:l') «выдра», *pl. tʰēgätn; ēčä'a* «к богу». Возникает, однако, вопрос, с каким тоном в современных языках его можно сопоставить — с третьим или четвертым?

Учитывая, с одной стороны, что данный коттский тон мог возникать в результате синкопы, его следовало бы сопоставлять с современным тре-

тым тоном, так как последний в большинстве случаев связан именно с синкопой, ср.: имб. ³ба:т, сим. бахат «старик»; имб. ³ба:м, сим. бахам «старуха»; имб. ³ду:н', сим. дуфын, мн. число от кет. ²ду?п «уда». Особенно интересны в этом отношении случаи так называемой свободной (факультативной) синкопы: имб. ⁵клуы/ ³кл:н «лисица», ⁵тууун/³ту:н «гребень», ⁵сауал/³са:л «ночевать». Наличие в некоторых случаях в коттских словах ? могло бы указывать на факультативную фарингализацию этого тона, как это наблюдается иногда у третьего сымского, и в общем не противоречило бы тому, что его следует сопоставлять с третьим тоном в современных языках. Кроме того, присутствие этого тона можно предполагать в форманте множественного числа коттских существительных -а : н (olča «платье», pl. olčân; kanša «курительная трубка», pl. kanšân), который очень напоминает форманты имб. -а:ң, -а:н, сим. -е:ң с таким же значением и с третьим тоном. Правда, коттский формант выступает в вариантах -а:н/-ан (šulpi «ягода», pl. šulpan/šulpân; šera «пиво», pl. šeran/šerân), но точно такое же сокращение длительности часто наблюдается и в современных языках, например, имб. ¹ку'п «дед», pl. ку'ба:ң/қубаң.

В коттском этот же тон был характерен и для форманта род. падежа: šeli, šele «дичь», род. пад. šelâ; šu «рябчик», род. пад. šuâ; d'oga «гнида», род. пад. d'ogâ. При этом нередко наблюдается дифтонгизация, сходная с сымской, что также свидетельствует в пользу третьего тона, например: fage «рябина», род. пад. fagei/fagâ; te, ti «шапка», род. пад. tei, ti (ср.: имб. ны'ба:ң/ныбаң, сим. фы'бе:ң/фыбейң «сыновья»).

Для выделения в коттском тона типа четвертого в современных языках материалы Кастрена не дают оснований. Не исключено, что третий и четвертый как тоны, связанные с синкопой и апокопой, были в коттском обобщены и совпали в одном долгом циркумфлексном.

Существенные расхождения наблюдаются между коттским и сымско-имбатским и в лексико-морфологической дистрибуции тонов. Они наименее ощутимы в распределении первого и второго тонов в односложных словах, совпадающих в коттском и сымско-имбатском. Можно указать лишь на редкие случаи, когда: а) для коттских слов целесообразней предполагать второй тон при наличии в сымско-имбатских параллелях первого тона (К. hai, сим. ¹хой, имб. ¹хо'й «дядя»; К. šat, сим. ¹сей, имб. ¹с'е'й «лиственницы») и, наоборот, б) в коттских словах представлен первый тон при наличии в сымско-имбатских параллелях второго тона (К. hûš, сим. ²ху'с, имб. ²ху'с' «чум»; К. šêt, сим. ²с'э'с, имб. ²с'э'с' «лиственница»; К. t^hit, кет. ²тэ'т «таймень»; К. šîš, сим. ²чы'с, имб. ²ты'с' «камень»). Большинство же расхождений наблюдается в тех случаях, когда коттские и соответствующие сымско-имбатские слова не совпадают по своему звуковому оформлению вследствие синкопы или апокопы в сымско-имбатском. Многим сымско-имбатским односложным словам с первым или вторым тоном соответствуют в коттском двухсложные слова с иным акцентным оформлением, ср.: JO. di'e, К. tage, take «орел»; JO. saq, s'aq, К. šagâ «белка»; JO. хир, К. hûpi «косач»; JO. xyf, К. hapi «торговля»; JO. dyn, dyn, К. tîni, tîn'i «ель»; JO. i, К. ega, êgâ «солнце»; JO. kyl, К. hîlu «ворона». Это относится в равной мере и к словам, имеющим в сымско-имбатском третий или четвертый тон, ср.: К. iti, ite, JO. i'et, iti, кур. ⁴и:ми, сим. ⁴и^h:т «зуб»; К. šeli, šele, šel'e «дикий зверь», JO. seär, seäl', s'äl', кур. ⁴с'э:л'и, сим. ⁴сэ^h:п «олень»; К. iči, iče, JO. âs, as', кур. ⁴а:с'и, сим. ⁴а^h:с «перо»; К. îji, JO. yed', yedi, кур. ⁴ы:р'е, сим. ⁴ы^h:т' «весна»; К. âca, *âci, JO. û'os, uos' кур. ⁴у:с'е, сим. ⁴у^h:с «береза».

В коттских двухсложных словах с долготой в первом слоге вероятнее всего предполагать присутствие в нем первого тона. Более сложен вопрос

о тональной характеристике двухсложных слов, у которых оба слога кратки.

Хотя М. А. Кастрен в своем фонетическом очерке отмечает, что словесное ударение в коттском всегда падает на последний слог, если все слоги в слове кратки, в словаре же оно нередко поставлено не на последний слог, например, *tal*, pl. *tálaŋ* «жилка». Можно предположить, что в словах с ударением на первом слоге был, как и в современных языках, представлен пятый краткосложный акцентный тип, в то время как слова с ударением на последнем слоге могли характеризоваться шестым краткосложным акцентным типом: *hatál* «войлок», *hupár* «конец», *urkán* «аркан», *pulap* «подошва», pl. *pulápan*.

А тот факт, что шестой краткосложный акцентный тип встречается в коттском несравненно чаще, чем пятый, может объясняться и тюркским влиянием, если учесть, что тюркское словесное ударение музыкально-динамического характера падает, по мнению большинства исследователей, как правило, на последний слог. Это могло привести к переосмыслению коттского шестого акцентного типа в словесное ударение на последнем слоге.

Таким образом, для коттского языка XIX в., записанного М. А. Кастреном, можно предполагать наличие трех слоговых тонов и двух краткосложных акцентных типов наподобие пятого и шестого в современных языках.
